

18+

Нед Виззини

BE MORE CHILL

[РАССЛАБЬСЯ]

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ЭТО ОЧЕНЬ ЗАБАВНАЯ ИСТОРИЯ»

Нед Виззини
Be More Chill

«Издательство АСТ»

2004

УДК 821.111-31.73
ББК 84(7 Сое) 44

Виззини Н.

Be More Chill / Н. Виззини — «Издательство АСТ», 2004

ISBN 978-5-17-121695-5

Ученик средней школы Джереми Хир – типичный аутсайдер: девушки его не замечают, популярные парни издеваются над ним. Однажды Джереми узнает о СКВИПах – таблетках, содержащих квантовый компьютер, который вживляется в мозг пользователя и подсказывает, как вести себя в той или иной ситуации. Парень решается попробовать СКВИП, чтобы с его помощью попасть в школьную элиту и завоевать сердце Кристин, в которую он давно влюблен. Чудо-таблетка полностью меняет жизнь Джереми, однако вскоре он убеждается, что последствия могут оказаться самыми непредсказуемыми.

УДК 821.111-31.73

ББК 84(7 Сое) 44

ISBN 978-5-17-121695-5

© Виззини Н., 2004

© Издательство АСТ, 2004

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Нед Виззини Be More Chill

Ned Vizzini

Be More Chill

Печатается с разрешения литературных агентств William Morris Endeavor Entertainment, LLC и Andrew Nurnberg

Text copyright © 2004 by Ned Vizzini

Afterword copyright © 2015 by David Levithan

© С. Резник, перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Нед Виззини – автор романов «Be More Chill» и «Это очень забавная история», завоевавших любовь и признание молодой аудитории во всем мире. «Be More Chill» лег в основу популярного бродвейского мюзикла, а по книге «Это очень забавная история» был снят фильм с Кейром Гилкристом и Эммой Робертс в главных ролях. В острых и резонансных произведениях Неда Виззини поднимается темы взросления, одиночества, стремления соответствовать ожиданиям, столь близкие подросткам. При этом поклонники отмечают непревзойденное чувство юмора автора и оптимистичный, жизнеутверждающий посыл его произведений.

* * *

Свежий, непосредственный и оригинальный роман. Это было весело, эксцентрично, эпатажно! Я не могла оторваться от чтения.

Джуди Блум

Забавно, необычно и попадает прямо в точку. Представьте Холдена Колфилда с доступом в интернет.

New York Post

Было бы слишком грустно, если бы не было так смешно.

The New York Times

Часть 1

ПРЕСКВИП

1

Без четверти девять. В кабинете солнечно, оживленно. Мне почти что удастся не замечать мертвящие флюоресцентные лампы, заливающие светом нашу среднюю школу Мидлборо. Бородатый мистер Гретч восседает за своим столом, блестя лысиной, окаймленной лохмами волос. В руках у него газета, на углу стола – кактус. Через двадцать секунд начнется переключка. Слева от меня сидит Дженна Ролан, «Самая Отпадная Девчонка» в классе. Дженна рассказывает:

– ...А она такая: «Я сделаю это, если проиграю тебе на плавании». Ну и проиграла. Нарочно, разумеется. Вот же сучка!

Дженна любит поговорить о своей подруге Элизабет, «настоящей сучке». Не помню, чтобы она когда-нибудь говорила о своей семье, телепередачах, уроках или нюансах добычи билетов на концерты. Короче, о том, о чем обычно болтают девчонки. Нет, Дженна говорит лишь о том, какая Элизабет сучка.

– Ты бы видела, что она на себя напялила! Один в один – мешок для мусора с презиком наверху...

Энн залиvisto хохочет. Энн – «Вторая Самая Отпадная Девчонка» в классе. Она сидит прямо передо мной и постоянно вертится, оборачиваясь к Дженне, чем только подтверждает, что именно Дженна – «Первая». Девчонки ужасно территориальны.

– Кхе-кхе, – мистер Гретч откашливается. – Эбби.

– Здесь.

– Асу.

– Здесь.

– Олборо.

– Здесь.

– Азу.

– Здесь.

Учитель рассеянно поглаживает кактус, не испытывая, похоже, никаких неудобств.

– Канилья.

Бросаю взгляд на Кристин. Она прекрасна. Кристин поднимает руку и отвечает:

– Здесь.

Я опускаю глаза.

– Дювокович.

– Здесь.

– Горански.

– Здесь.

– Хир?

А, да. Здесь-то и начинается веселье, то самое, что изводит меня с тех пор, как в пятом классе ввели переключку. В ответ на свою фамилию я не могу произнести «здесь¹». Это всегда сбивает учителей с толку. Поэтому я поднимаю руку и говорю:

– Присутствует.

¹ Игра слов: в английском языке фамилия Джереми – Неег – произносится так же, как и «here», что означает «здесь».

Впереди кто-то хихикает. Надо мной или нет? Никогда не угадаешь. Вытаскиваю распечатанный «Список унижений», ставлю дату и галочку в столбце «Смешки», прикрыв листок так, чтобы не увидела Дженна. Прислушиваюсь, не засмеется ли еще кто.

2

За долгие годы «Список унижений» неоднократно менялся. Действующая версия содержит следующие пункты: «Смешки», «Ржач», «Злобные подколки», «Не кивнули в ответ» (кивок – стандартная форма приветствия в средней школе Мидлборо), «Не поздоровались в ответ», «Не подали руки», «Публичное отречение от сказанных мне наедине слов», «Отказ повторить шутку» и «Полные кранты» (собирательное понятие). С помощью «списка» я на практике отслеживаю собственный социальный статус. «Список» – мой главный секрет. Приходится внимательно следить, чтобы никто не заметил, как я каждый день ставлю в нем галочки. Ненавижу эти галочки.

Мистер Гретч подходит к доске и пишет на ней «k». «K» в математике – полная фигня. Если видишь «k», можешь расслабиться и заниматься своими делами, мистер Гретч все равно глухой, поскольку он – старый хрыч. Так что Дженна продолжает болтать, я – внимательно ее слушать.

– Ну а Элизабет такая: «Куда мы пойдем? Я же не ты, у меня нет машины...» А парни такие, – Дженна понижает голос: – «Ничего, детка, мы прокатим тебя на своем жеребце». И она отправилась с ними! Просто поверить не могу!

Энн придушенно гыгыкает, вытягивая шею, чтобы не пропустить ни единого словечка.

Стоит середина октября, и летние каникулы малость подзабылись. (Самой нашумевшей была история о Джейке Диллинджере, переспавшем с чешской манекенщицей, с которой встречался его отец. Что же, очень может быть. С Джейка станется.) Сейчас в основном треплются о вечеринках и о том, что на носу предварительные экзамены на определение академических способностей. Начинают болтать и о школьном бале по случаю Хеллоуина.

– Я слышала, – говорит Энн, – будто у Брианны намечено целых пять парней. Футболисты, сама понимаешь. Вдруг кто подвернет ногу и не сможет танцевать...

Дженна отвечает ей ледяным молчанием.

– Со мной то же самое случилось в прошлом году. Мой тогдашний парень сломал ногу и приковывал в гипсе и на костылях. Так и танцевали, прикинь! Это было ужасно.

Прислушиваюсь к тому, что происходит вокруг. Марк Джексон со своим приятелем Джексонсом Марксом обсуждают видеоигры. Роб, попеременно ковыряясь в носу, во рту и в ушах (поменять местами он их, что ли, пытается?), решает задачку, скорее всего, по матанализу. Барбери объясняет, что теперь все должны называть его доктором Барбери: он, видите ли, заказал себе докторскую степень по Интернету. Кристин сидит тихо, словно накрытая стеклянным колпаком. Какая же она все-таки хорошенькая!

– Кстати! У Кристин Канильи появился новый обожатель, – произносит Дженна.

Ого!

– Дженна! – предостерегающе шипит Энн. – Он же услышит.

О-го-го! Сiju тише воды, ниже травы. Спокойно, Джереми, спокойно. На девиц я не смотрю, значит, они не могут догадаться, что я их слушаю. Но я всегда слушаю. Я всегда начеку. Кошусь на Дженну. Та смотрит на меня так, словно я лишь слегка интереснее пустого места. Отворачиваюсь.

– Ага, это он, – отвечает она Энн. – Говорят, письмо ей написал.

Никаких писем я не писал! Даже не разговаривал с ней. Не считать же разговором фразу, сказанную в кабинете школьного клуба: «Не нажимай C7, батончики “Нутри грейн” в этом автомате застревают»? Батончики там действительно застревают. Ну не могу я говорить с Кри-

стин! Могу лишь смотреть и думать о том, какая она красивая. Сами знаете, как это бывает. В смысле, у нее светлый ум и хороший характер – короче, то, что полагается иметь девчонке, чтобы компенсировать красоту. Однако, будь она злобной идиоткой, все равно осталась бы красавицей, и я бы на нее запал.

– Он странный, – добавляет Дженна.

Ну почему, почему именно сегодня? Погано. У меня в кармане шоколадный «Шекспир». Вроде шоколадных пасхальных кроликов, только «Шекспир». На первой репетиции я собирался подарить его Кристин. Крепко сжимаю шоколадку.

Дженна продолжает что-то шептать, но я уже не слушаю. Прикрыв локтем «Список», ставлю жирную галочку в столбце «Полные кранты». Отдельного столбца для перешептываний за моей спиной у меня нет, так что приходится занести в этот. И тут мистер Гретч спрашивает:

– Джереми, поведай нам, чему равняется угол?

Классика. Прямо как в кино про школьников. В первую секунду мне даже не верится, что это происходит со мной.

Моя тетрадка закрыта. Ею я загораживал «Список унижений». Мои нейроны не деполяризуются (мы проходили это на биологии).

Полные кранты! Второй раз за утро.

3

На большой перемене отправляюсь в столовку на поиски своего друга Майкла Мелла. Майкл никогда не садится на одно место два раза подряд. Он то устраивается внутри, за длинным пластиковым столом, то снаружи, на какой-нибудь изрезанной деревянной скамейке для пикников в окружении садовых скульптур в виде гигантских пчел. Впрочем, Майкла вы ни за что не пропустите: долговязый белый парень с «афро», какое бывает только у белых парней, и огромными наушниками со спиралевидным, как у старых телефонов, проводом. Эти наушники – его «пропуск» куда угодно: хоть к качкам, хоть к задротам, играющим в «Вархаммер», а то и за столик к девчонкам (впрочем, Майкл подсаживается только к азиаткам). Когда у него на голове наушники, никто его не трогает. Ясно же, что человек размышляет о чем-то важном.

– Как дела? – спрашиваю я, подходя к нему.

За обедом Майкл музыку не слушает, ему просто нравится носить наушники.

– М-м-м, – мычит он в ответ, уминая сэндвич с рыбной котлетой и сыром и запивая его шоколадным молоком. – А у тебя?

– У меня проблемы.

Достаю из кармана шоколадного «Шекспира», обернутого в фольгу с узором в викторианском стиле, кладу перед Майклом, сажусь, облокотившись на стол.

– Кажется, я не смогу отдать его Кристин.

– М-м-м, угу.

– Майкл!

– Угу.

– Прекрати, а?

Майкл ухмыляется и выдавливает через щель в зубах рыбно-сырную жвачку. Кусочек шлепается на поднос.

– Наркоман чертов! – хохочу я. – Увидят же.

– Угу. – Майкл плотает, и его кадык ходит туда-сюда. – Ну так что там у тебя? – Он отхлебывает молока, утирает рот тыльной стороной ладони. – Что-то с Кристин? Зассал?

– Ну-у-у, – я даже не прикасаюсь к еде, – вообще все паршиво.

– Что именно? Постой, дай угадаю. Ты сморозил при ней какую-то глупость?

– Да нет, но все, похоже, так считают. А это, сам понимаешь, одно и то же.

– Не-а. – Майкл принимается за апельсиновое мороженое. – «Я сделал» и «люди думают, что я сделал» – это совершенно не одно и то же.

– Болтают, будто я написал ей письмо.

Майкл принимается раскачиваться и напевать:

– «Ты мне – письмо-о-о, я тебе – пе-е-есню...»

Пижаю его в плечо.

– Ты чего?!

– Не надо никаких Weezer, окей?

– Попробую запомнить. – Он складывает руки на груди. – И кто же думает, что ты написал ей письмо?

– Дженна Ролан. А еще она сказала, что я – «новый ухажер» Кристин.

– Ты прям как девчонка. – Майкл встает и выбрасывает объедки в ближайший мусорный бак. – Что обо всем этом думает сама Кристин? Вот что важно.

– Да, ты прав, конечно. Но это не единственное, что имеет значение в такой... ситуации. – Я машу руками для убедительности. – Отдавать ей сейчас шоколадку или нет? Вот в чем вопрос. Не будет ли это выглядеть доказательством, что я ухажер?

– Джереми, – Майкл тщательно застегивает пуговицы на рубашке, – шоколадный «Шекспир» – идея гениальная. Сам посудите: шоколад любят все, кроме разве что отдельных ненормальных, предпочитающих чипсы. – Он косится на рыжую девчонку за соседним столом, пожирающую чипсы. – А вы с Кристин играете в шекспировской пьесе. Следовательно, ей Шекспир тоже нравится.

– Вдруг она считает меня чокнутым лузером?

Принимаюсь за салат с бобами. Он и так-то был холодный, а теперь кажется еще холоднее.

– Балда. Лучше подумай о том, что ты будешь чувствовать, если не отдашь ей шоколадку. Вот ты сидишь вечером дома и киснешь, понимая, что проворонил свой шанс.

– Пожалуй, ты прав. Я буду чувствовать себя...

Как всегда, заканчиваю фразу мысленно. Так же, как чувствую, когда не могу решиться набрать номер или потанцевать на школьном балу, или не знаю, куда девать руки. Короче, так, как давно привык себя чувствовать.

– ...дерьмово, – произношу вслух.

– То-то же. Значит, надо отдать ей «Шекспира».

– Эй, дылда, присох к бачку, что ли? Подвинься.

Рич. Нарисовался – не сотрешь. Он невысокий, но очень крепкий. Светлые волосы с «гребнем», покрашенным в красный цвет. Майкл отходит в сторонку, и Рич выкидывает в бачок объедки... вместе с подносом. Потом смотрит на нас:

– Ну и чего уставились, ушлепки?

4

Конец дня. Иду по длинному коридору с красиво расписанными стенами. Наша школа – один нескончаемый коридор с входом посередине: с одного конца доносятся эхо и плеск в бассейне, с другого – хлопанье дверей актового зала, куда я, собственно, и иду. В целом все это наводит на мысли о «Великой стене» нью-джерсийского Метачена.

В старших классах (а до них я сделал неплохую актерскую карьеру в средних) я уже играл в «Ты хороший человек, Чарли Браун» и «Буре», чем дважды удостоился похвалы (от мамы). Обожаю школьный театр. Мне нравится оставаться в школе после уроков, учить роль в ванной. Нравится, что за неделю до премьеры тебе кажется, будто ты с треском облажаешься, но в последнюю минуту собираешься с силами. Или что второй спектакль всегда удастся лучше первого. Люблю выходить вместе со всеми на поклон: родители встают, козыряя друг перед

другом своими цифровыми фотоаппаратами, а ты уже взмок в театральном костюме, но это все чепуха – это цена, которую платишь за искусство. И затем... бац – объявляют вечеринку для актерского состава. Я просто без ума от этих вечеринок. То есть я еще ни на одной не был, если начистоту, однако уверен: они здоровские.

– Ты играешь в пьесе? – спрашиваю я у Марка Джексона, садясь рядом.

Марк – мой друг. Ну, или что-то вроде.

– Ага, участвую в этой тягомотине, – отвечает он, не отрываясь от геймбоя. – Напомни-ка, как оно называется?

– «Сон в летнюю ночь». Ты что, не знаешь названия пьесы, в которой играешь?

В действительности мне хочется сказать совсем другое.

– «Сто-о-он в летнюю ночь». Усек.

Я сижу через два кресла от него. Сиденье, похоже, испачкано тем, что остается в презервативе. Ну, не то чтобы я был в курсе... Разве что однажды, когда возился с презиком перед зеркалом, пытаюсь понять, как оно выглядит со стороны.

– Эй, полегче! Полегче! – говорит Марк.

– Чего?

– Я с игрой разговариваю. Не суй свой нос.

Присматриваюсь к экрану, сунув, как он выразился, свой нос: Марк «ведет» внедорожник по туннелю метро, одновременно стреляя из винтовки по бездомным.

– Не подглядывай, олень! – Марк отдергивает геймбой, рискуя «врезаться» и «промахнуться». – «УВЛ-3» больше ни у кого в школе нет. Хочешь посмотреть – гони пять баксов.

– Что такое «УВЛ-3»?

– «Убей всех людей – 3».

– А...

– Никогда не слышал об «УВЛ»? Ты и вправду олень.

Марк таращится на меня. Сижу молча, глядя перед собой. Через несколько секунд Марк сползает вниз по сиденью с таким видом, будто у меня герпес (ну, или волчанка, точно, волчанка). Встаю и пересаживаюсь на следующий ряд.

– Мать твою, Джереми, нельзя быть таким чмошником.

И в этот момент в зал входит Кристин. Опаздывает, для нее это нехарактерно. Ее взгляд скользит по Марку и, наверное, на миллисекунду, а то и на две останавливается на моей скромной персоне. Черт, когда уже придет учитель?

– Э-э-э... – в дверях появляется мистер Рейес, – э-э-э, всем здравствуйте! Не знаю, заметили вы или нет, но у меня сегодня на редкость мощный фальцет. Бе-е-е!

– Мать его, опять этот слащавый гомик, – бурчит позади меня Марк, а крошечные цифровые человечки со стоном умирают на экране геймбоя.

– Очень рад видеть вас всех здесь. – Мистер Рейес поднимается на сцену и останавливается у микрофона, который ему совершенно не нужен. – Я счастлив, что для моего голоса нашлась столь благодарная аудитория. Ля-ля-ля, ля-ля-ля! У нас подобралась просто великолепная труппа, мы поставим славный спектакль.

Мистер Рейес – учитель английского. Он высокий, худой, гладко выбритый, носит костюм с галстуком.

– Итак, давайте посмотрим, кто у нас здесь. Заодно раздам вам роли. Джереми Хир!

– Я! – Встаю.

– Сиди, сиди. Ты будешь играть Лизандера. Это чрезвычайно важная роль, тебе придется немало над ней потрудиться.

– Спасибо, мистер Рейес.

– Джейк!

Джейк Диллинджер играет в школьном спектакле?! То есть ему мало заниматься в футбольной команде, трахать чешских моделей и возглавлять школьный клуб? Джейк едва приподнимает руку, давая знать мистеру Рейсу, что слышит его.

– Джейк, ты будешь Деметрием. Это вторая серьезная роль. Приготовься много-премного запоминать.

– Классно, – отвечает Джейк.

– Пак! Где мой Пак? Кристин Канилья!

Она сидит в первом ряду, неподалеку от Джейка. Я вижу ее светлые волосы.

– Вы не шутите?! – взвизгивает она. – Я – Пак?

– Да, юная леди. Пак.

– Ур-р-ра! – Кристин подпрыгивает, вскидывая вверх сжатый кулак.

Все (а может быть, только я?) смотрят на нее с уважением или с гордостью пополам с умилением. Когда девчонки принимают прыгать от счастья, как в каком-нибудь телешоу, они такие милые.

– Не радуйся прежде времени, Кристин. У тебя отвратительно длинная роль. Э-э-э...

Мистер Рейес раздает роли Гермии, Елены, Титании, Мотка и прочих. Марку, сидящему позади меня со своим геймбоем, достается роль какого-то переодетого эльфа. Так ему и надо.

– Ну что же, с этим покончено. А сейчас начнем читку. Дамы, возьмите по два стула и принесите их на сцену.

– Чего? – девчонки непонимающе переглядываются.

Оказывается, когда они растеряны, то забавно приподнимают плечи. Сверху мне все видно.

– Почему мы должны таскать стулья? – спрашивает Кристин.

– Несите, несите, дамы. Будем придерживаться взаимовыгодного компромисса, – отвечает мистер Рейес. – Сегодня носите вы, завтра – джентльмены. Кстати, о джентльменах. Выберите из своих рядов представителя, который сходит в учительскую и попросит разогреть в микроволновке мой сэндвич.

– И он будет делать это на каждой репетиции? – интересуюсь я.

Не хотелось бы вляпаться.

– Нет, Джереми, только сегодня. В следующий раз сходит одна из девочек.

– Ничего не понимаю, – произносит Марк, ставя игру на паузу. – Вы не могли бы объяснить?

– Хм. Значит, так. День первый: девочки расставляют стулья, а мальчики посылают гонца за сэндвичем. День второй: мальчики расставляют стулья, девочки отправляют кого-то за сэндвичем. День третий: все начинаем сначала. Вопросы есть?

Вопросы есть, еще бы! После того как все получают ответы, за сэндвичем бежит пацан по имени Джона. Девчонки расставляют стулья. Мистер Рейес приглашает нас на сцену. Мы садимся в круг (он получился слишком маленьким), словно собираемся играть в «Утка-утка-гусь», но на самом деле начинаем читать по ролям «Сон в летнюю ночь». Да, я уже не малыш. Я ученик старшей школы. Надо не забывать об этом.

5

Мне удастся занять стул рядом с Кристин.

– Поздравляю, – негромко говорю ей, глядя перед собой и надеясь, что она услышит. – Ну, что тебе Пака дали.

– И что это за хрень, а? – Она гневно поворачивается ко мне.

У Кристин карие глаза и светлые волосы. Вблизи она выглядит хорошенькой старлеткой, из тех, что не снимались ни в каких фильмах, но чьи вусмерть отфотошопленные порт-

реты красуются на обложке журнала «Стафф». Впрочем, в данном случае кто-то явно отметил галочкой команду «Сохранять пропорции», поэтому портрет выглядит идеально.

– Поверить не могу, что нас заставили таскать стулья! Это вообще законно?

– Думаю, да. Хотя, конечно, ужасно...

– Ну разумеется! Разве у нас нет конституционных прав? Дискриминация и все такое.

– Мы же школьники, какие нам конституционные права?

– Полный отстой!

– Ага. – Постукиваю пальцем по голове лежащего в кармане «Шекспира». – Кстати, меня зовут Джереми.

Протягиваю было ей руку, но тут же спохватываюсь и отдергиваю. Незачем делать это на глазах у других.

– Я знаю, – говорит Кристин. – Мы же в одном классе по математике.

– А, ну да, – делаю вид, что совершенно забыл об этом. – Сама знаешь, как бывает, занимаешься, занимаешься в одном классе с кем-нибудь и не замечаешь...

– Лизандер! – рывкает мистер Рейес. – Прошу!

– Э-э-э...

Кажется, Лизандер – это я.

– Я – Лизандер, да?

– Он самый, – кивает мистер Рейес.

– Тогда окей. Ага... «Любовь отца имеешь ты, Деметрий, так оставь же мне Гермину, а сам – возьми его...»²

– Спасибо, Джереми. – Он причмокивает губами, как делают взрослые, когда сердятся или огорчаются. – Прекрасно. Действительно прекрасно.

– «Но, государь, не так же ли, как он, и я богат, и знаменит рождением?» – продолжаю я.

– Ненавижу его, – шепчет рядом Кристин. – У него паршивые уроки. Он вообще не умеет учить...

– «Моя любовь сильнее его любви»...

– Всерьез подумываю написать о нем письмо в метаченскую «Хоум Ньюс Трибюн»...

Не знаю, понравился ли я Кристин или она настолько сильно ненавидит мистера Рейеса, но в любом случае она со мной разговаривает, и это факт. Продолжаю читать свою роль и всякий раз, доходя до строк о любви (ну, вы знаете Шекспира), слегка поворачиваюсь к Кристин, чтобы звуковые волны моего голоса достигали клеток кожи ее щеки, заставив каким-нибудь непостижимым образом отреагировать.

Видите ли, когда я разговариваю с девочками, у меня активизируется внетелесное сознание, ну, или подсознание. Все вдруг делается страшно важным. Моя поза, обычно совершенно отстойная, временно выправляется, если вот эдак изогнуть спину, все органы чувств начеку. Глаза со снайперской точностью отмечают расстояние до Кристининой ноги, а если мы на миг соприкасаемся, мозг принимается гадать: случайно или нарочно? И если нарочно, то это сделала она или я? Она заметила, что наши ноги соприкоснулись? Обратила внимание на мои взгляды исподтишка? Увидела белый носок, выглядывающий из-под штанины? (Надо обязательно поправить.)

– Лизандер! – вновь клекочет мистер Рейес после окончания сцены с эльфами и феечками.

Судорожно листаю сценарий. Кристин улыбается, что, разумеется, отнюдь не помогает. Я улыбаюсь в ответ, хотя ее улыбка может предназначаться не мне. Или мне, но в обидном смысле. Что, если она смеется над моей неуклюжестью?

В любом случае пока все отлично. Это шаг вперед.

² Здесь и далее – перевод Н. М. Сатина.

6

– «А вы меня хлопками наградите, и верьте мне – исправится Робин!», – читает Кристин. Без настоящих аплодисментов конец «Сна в летнюю ночь» не звучит. Сейчас половина шестого, и я взмок во всех возможных местах.

– Э-э-эх... – все шумно потягиваются, со скрежетом отодвигают стулья.

Кое-кто уже давно смотался, отчитав свою роль, но нас здесь еще около дюжины, включая ключющего носом мистера Рейеса.

– Очень хорошо, – учитель вскидывается. – Такая, значит, пьеса. Завтра начинаем со сцены Лизандра и Деметрия, э-э-э... Не пропускайте репетиций, не опаздывайте и...

Бла-бла-бла. Мы все тянемся за своими рюкзаками, и его монолог тонет в грохоте стульев, наших зевках и болтовне. Вот он, мой последний шанс поговорить с Кристин. План такой: во-первых, отдать ей шоколадку; во-вторых, проделать это непринужденно, так, словно мы с ней – давние друзья; в-третьих, выйти из актового зала в зените славы.

– Э-э-э, Кристин, – говорю я ей в спину, прежде чем она успевает спуститься со сцены.

Рука в левом кармане сжимается и разжимается. В правом – наготове «Шекспир».

– Ты не слышала о том, что я якобы написал тебе письмо?

– М-м-м? – Она оборачивается.

По-моему, это «м-м-м» не предвещает ничего хорошего.

– Ну, письмо... Утром, на уроке математики Дженна, она еще сидит рядом со мной... Да ты ее знаешь, Дженна Ролан. Она типа болтала, будто я написал тебе письмо. Но я ведь тебя даже толком не знаю, и все это, видимо, какое-то недоразумение, ну, или как-то так.

– Ничего не понимаю.

Вот и я не понимаю. О чем ей сейчас и сказал. Она что, не знает значения слова «недоразумение»? Молчу.

– То есть ты хочешь убедиться, что действительно не писал мне никакого письма?

– Ну-у-у...

– К чему ты это вообще? – Кристин опирается на складной стул.

– Просто терпеть не могу, когда распускают слухи. От них всегда столько вреда. И...

– Ты этого не делал. Удовлетворен?

– Ага.

– Никаких писем ты мне не отдавал. Доволен?

– Очень.

– То есть ты доволен, что не давал мне писем?

Ой-ей-ей! Стул у ее бедра подрагивает.

– Это твое главное сегодняшнее достижение, я правильно поняла? В смысле – не давать мне чего-нибудь?

– Нет, наоборот! Я как раз...

– Да мне без разницы.

Кристин спускается со сцены, подхватывает свой рюкзак. Я лезу в карман за «Шекспиром» и... Пальцы сжимаются вокруг шоколадной головы, погружаясь в шоколадно-фольговый суп. Аварийное прекращение полета! Шоколадная бомба!

– Кристин, подожди!

Но она уже идет к выходу. Правда, идет медленно и, кажется, о чем-то размышляет. О мистере Рейесе? Или обо мне? (Одновременно боюсь этого и надеюсь.) И вот она оказывается у двери, оборачивается ко мне с хмурым видом, словно думая: «Ясно. Его зовут Джереми». Затем Кристин покидает зал, будто ее похитил гигантский дракон.

Блин.

Мне следовало прийти в бешенство, верно? А на самом деле... На самом деле я чувствую огромное облегчение. Странно, но факт. Словно всегда знал, что так оно и будет. Я в своем репертуаре. Ничего необычного не произошло, все идет по давно накатанным рельсам. Очередной провал выглядит оправданием моим страхам, планам и стратегиям. Я был совершенно прав. Я никогда не смогу этого сделать. Ощущение почти такое же, как если бы я чего-то добился.

Моя поза становится прежней. Периферическое зрение исчезает. Я тупо таращусь в пол. Надо топтать в туалет и там попытаться отчистить карман.

7

Школа изменилась. Пока мы по ролям читали «Сон в летнюю ночь», работающие ученики из школьного клуба развесили по всем стенам объявления о бале в честь Хеллоуина: картонные тыквы, словно сошедшие с открыток «Холлмарк», водят хороводы, держась за пухлые ручки. Влюбленные тыквы.

Иду в туалет. Подхожу к раковине и выворачиваю в нее содержимое кармана. Оказывается, все не так уж плохо: большая часть Шекспира осталась в фольге. Облизываю кончики пальцев, мою руки и подкладку кармана. В туалете спокойно: приоткрытое окно, тихий щелчок дозатора мыла... Похожие ощущения испытываешь, покидая кабинет врача: взъерошенный и осмотренный с ног до головы.

Дверь с грохотом распахивается. Я не оборачиваюсь. Входит Рич и направляется к писсуару. Подтягивает штаны, словно его член такой громадный, что без особых мер предосторожности не извлечешь.

– Что слышно, чмошник?

– Привет, Рич, – отвечаю я, не шевелясь.

Надо бы отучить себя застывать, будто олень в свете фар, сталкиваясь с девчонками, парнями или настоящими оленями, а особенно – при виде членов парней постарше.

– Ты себе в карман, что ли, нагадил? – спрашивает Рич, направляя струю в писсуар.

Наверное, он остался в школе, чтобы позаниматься каким-нибудь мужским спортом.

– Я не разговариваю с людьми, которые ссут, – говорю я.

Нет, на самом деле я этого не говорю.

Рич подходит к соседней раковине. Наверное, у него еще капает моча.

– Нет, правда, чувак. Что это? Шоколад? – Он, кажется, искренне заинтересован.

– Ну-у-у, – мычу в ответ.

– Даже не буду говорить, что ты – заднеприводной. Это и так очевидно.

– Э-э-э...

Я точно не знаю, что означает слово «заднеприводной», но как-то сразу догадываюсь. Напоследок вновь обозвав меня чмошником и не помыв руки, Рич с гоготом покидает туалет.

Достаю «Список унижений», прижимаю мокрой ладонью к зеркалу и ставлю галочки в графах «Ржач» и «Злобные подколки». Если бы дело ограничивалось одним только Ричем! Помимо него в школе хватает и других, калибром поменьше, вроде Джорджа и Рю. Иногда мне хочется дать им клички, всем до единого. Забраться утром на стремянку у входа в школу и кричать, хлопая каждого по лбу: Дуболом, Жертва Аборта, Мразь, Троль, Чувырла, Дебил, Прыщавый, Нарик, Выкидыш, Желтозубый, Вонючка, Залетчица, Кандидат на Победу в Мировом Забеге Самых Уродских Мышей! На! На! На! Я всех их знаю как облупленных.

Задумываюсь о том, как же так вышло, что среди всего этого столпотворения рас, народов и религий одни – «крутые», а другие – «отстой»? Сей факт не перестает меня изумлять.

Сами посудите. Что может быть важнее, чем быть крутым? Это куда важнее, чем получить работу, завести подружку, иметь политическую власть или деньги. Всем этим благам пред-

шествует одно: ты становишься крутым. Остальное – лишь следствие, итог. Наверняка Саддам Хусейн был крутым парнем. Не хорошим или добрым, нет. Чтобы так долго удерживать власть, сначала он должен был стать крутым. И Александр Македонский был крутым. И Генри Киссинджер. Бен Франклин. Рик Джеймс. И чертов марихуанщик Билл Клинтон. А я – нет. Почему? Понятия не имею. Не знаю, как это изменить. Видимо, таким уродился. Может быть, это передается через поколение? Ведь мои родители – вполне себе успешные люди. Их все любят, несколько раз в год они устраивают вечеринки. (Малышом я обожал прятаться за диванами и таскать из кухни канapé.) Может быть, все сводится к тому, кем ты был в детском саду: хулиганом или плаксой. Или все решает первое противостояние, когда ты выкидываешь белый флаг и говоришь себе: «Ну его, не стоит оно драки» – вместо того чтобы подавить собственную трусость и сказать: «А не пошли бы вы все?!».

Короче, где бы ни раздавали патенты на крутизну, я его проворонил. И теперь стою в сторонке, наблюдая за коловращением статусов, секса, вечеринок, людей, сосущихся под трибунами стадиона, и прочих уродцев. Я – не урод. Рич – урод. Яснее ясного. Когда стану взрослым, то все наверстаю и уж тогда-то отыграюсь. Ну, или пушу себе пулю в лоб.

8

– Как прошел день?

– В кармане у меня растаяла шоколадка, и я столкнулся с коротышкой-мучителем в сортире.

Ничего этого я, разумеется, не говорю. Разве такое маме объяснишь? Поэтому отвечаю как обычно:

– Нормально.

Сижу в гостиной на диване, перед которым стоит тренажер «Боуфлекс». Мама купила его отцу несколько лет назад. Надеюсь, что он будет заниматься. Господи, чего она ему только не покупала! Абонементы в спортзалы, жратву для похудения «Худей быстро!», гипнокурс «Думай как стройный!», консультации по липосакции, участие в программе «Весонаблюдатели», тренажер «Наутилус»... Но самый треш – это «Боуфлекс». Папа решил, что лучшего места для этого тренажера, чем перед телевизором, не найти. Теперь по утрам, вместо того чтобы вытираться после душа, он устраивается на тренажере и обмахивает полотенцем промежность, глядя передачи по кабельному. Никому в голову не приходит передвинуть чертову машину. Вот она и торчит посреди гостиной, перепачканная потом отцовских бубенцов, в то время как я ем разогретый в микроволновке буррито с сыром и болтаю с мамой.

– Много на дом задали?

– Не-а.

– А я просто завалена работой.

Мама – в столовой. Наша столовая – это все та же гостиная, только отделенная занавеской, так что разговор смахивает на беседу с волшебником из страны Оз.

– Надо разрубить несколько узлов.

Это такой юридический термин. Моя мама – самый известный адвокат по бракоразводным процессам в Нью-Джерси (вплоть до Эссекса), и все из-за рекламы на автобусах. У моих родителей – адвокатская контора «Хир & Хир». Мама шутит, что ей надо было оставить свою девичью фамилию Зер³ (на самом деле ее девичья фамилия – Симонсон). Реклама их фирмы красуется на автобусах Трентона, Нью-Брунсвика и Равея: золотое кольцо, обьятое пламенем, и подпись «Бриллиант – НЕОБЯЗАТЕЛЬНО навсегда». По-моему, просто класс. Я объясняю людям: я – дитя развода, но, в отличие от прочих детей, в противоположном смысле.

³ Здесь игра слов: в английском языке фамилия Зер – Theyer – произносится так же, как и «there», что означает «там».

– Да-да, многие супружеские пары Нью-Джерси сыты друг дружкой по горло... – Мама листает документы.

Я вижу ее силуэт сквозь занавеску: она горбится над кухонным столом, на котором разложены стопки конвертов.

– Мы сегодня начали репетировать новую пьесу.

– И как она называется?

То же самое четыре часа назад спрашивал Марк.

– «Сон в летнюю ночь».

– А знаешь, какую пьесу люблю больше всего я? «Кошка на раскаленной крыше». Вы ее случайно ставить не собираетесь?

– Не-а. Мам, порепетируешь со мной немножко?

– Попроси отца. Я занята.

– Его нет дома.

Беру пульт от телевизора и включаю любимое шоу «В пролете!». Что идет по кабельному, мне не видно: загораживает тренажер. На экране возникают кадры шоу. Этой лицемерной жути конца нет. Она настолько опасна, что в худшие минуты своей жизни мне хочется перестрелять всю школу и свалить вину на шоу. Каким идиотам взбрело в голову устраивать для мальчишек свидания-групповухи вслепую? То есть вы прямым текстом им говорите: мол, если у тебя нет сразу двух подружек, ты – лузер? У кого-то сразу две, а у меня, значит, ни одной? Что до девчонок, то им, судя по передаче, предлагают занять место в гареме, вместо того чтобы научить, как стать сильными, независимыми женщинами вроде моей мамы, работающей сейчас за занавеской. Вы воспитываете людей или скаковых лошадей?

Разумеется, MTV обставляет все так, что девчонки идут на свидания с двумя парнями. Да хоть с геями или лесбиянками! Результат всегда один: беспощадная социальная борьба каждый день, от зари до зари. Смерть уродам! Смерть зайкам! Смерть тем, кому когда-то расквасили рожу на детской площадке.

Удивительно, но сегодня из шоу выперли обалденную азиатку. Звоню Майклу.

– Привет.

– Привет.

– Ты телик смотришь?

Слышу щелчок кнопки. Майкл вздыхает. Увидел, значит, азиатку. Сегодняшнее свидание проходит на автосвалке. Он молчит.

– Как у тебя дела? – наконец спрашивает он. – Что с Кристин?

– Да, понимаешь, начал спрашивать ее о письме, и она, кажется, рассердилась.

– Балда. Зачем спрашивал?

Зачем? Понятия не имею. Из желания навредить самому себе?

– Просто хотел прояснить ситуацию, а уж потом...

– Короче, ты с ней говорил?

– Ага.

– Так это ж здорово, чувак.

– Боюсь, не очень. Сомневаюсь, что она когда-нибудь еще со мной заговорит. И «Шекспира» я ей не отдал.

– Так и знал. Понял, когда увидел тебя за обедом, что ничего ты ей не отдашь.

– Спасибо на добром слове. Ладно, проехали. Сам-то как?

– Мой брат опять чокнулся. Только что звонил. Думает, что правительство внедряет таблетки прямо в мозги людям.

– Ясно. Вроде той таблетки, что помогла ему сдать тест на проверку академспособностей?

– Да. Но та действительно существует.

– Ну разумеется.

– Говорю тебе! Как бы иначе моему братцу удалось получить тысячу триста пятьдесят баллов и попасть в брауновский универ? У него точно была таблетка, говорю тебе!

– Ага-ага. Слушай, я чего звоню-то...

Надо срочно сменить тему разговора. Майкл способен рассуждать об этих волшебных таблетках до бесконечности. На экране телевизора счастливая троица веселится на воздушном шаре.

– Видел объявления о бале в честь Хеллоуина?

– Не-а. А должен был?

– Их довольно поздно сегодня повесили.

– И что?

– Ну, и вот я думаю: может нам тоже пойти?

– Ты назначаешь мне свидание?

– Брось, Майкл, я серьезно. Почему бы нам с тобой не сходить на бал?

– Тебе стоит. Ведь Кристин наверняка там будет.

Черт! Об этом я даже не подумал! Ну конечно!

– Конечно, будет.

– Что же, удачи.

– Как это? Ты вообразил, что я пойду туда один?

– Ух ты!

На экране девчонки принимаются бороться в чем-то вроде овсянки, наваленной в корзину воздушного шара. У одной из них верхняя часть тела «заблюрена». Всякий раз, когда телевизионщики размыывают скабресную картинку, у Майкла наступает...

– Время «Деблора», детка!

Мой друг ликующе ухает. И есть отчего. Словно наяву вижу, как Майкл с довольной ухмылкой на физиономии достает коробку с «Деблором». «Деблор» – это приставка, которую можно подсоединить только к телевизору с цифровым тюнером. Стоит она четыреста долларов, а продают ее какие-то перцы из Нью-Йорка. Качество восстановленной картинке паршивое: грудь, например, выглядит чуть ли не квадратной. Но, в принципе, девайс работает. К тому же это смешно. Однако всякий раз, когда Майкл включает «Деблор», я чувствую укол зависти.

– Че-о-орт! – вопит он. – Какие сосочки! Темные...

– Эй, чел, сконцентрируйся, а! – Смотрю на свой скучный, бессосковый телевизор. – Мне обрыдло все это дерьмо. Смотреть на соски, слушать, как ты смотришь на соски. Мы должны найти себе настоящих девчонок.

– Да неужели? – фыркает Майкл. – А ты в курсе, что сейчас неблагоприятная эволюционная обстановка? Человечество переживает генетический застой. Тебе это известно?

Вот всегда с ним так. Я же просто хотел договориться насчет осеннего бала.

– Я об этом читал, – продолжает он. – По теории, мы теперь можем встречаться, с кем захотим. И неважно, что у человека плохое зрение или, там, болезни. Даже если ты – карлик, ты можешь найти себе другого карлика, заняться с ним карликовым сексом и размножиться. Мы не эволюционируем. Естественного отбора больше нет. Ученые считают, что в таком «ровном» климате выживает не сильнейший, а самый чокнутый и свободный от предрассудков. Ну, ты понимаешь, о чем я. Требуется полная уверенность в себе. Так что мы с тобой, чувак, в полете.

– Спасибо, друг. Всегда подозревал, что я в полете.

– Не за что. Слушай, я хочу досмотреть «В полете», лады?

– Нет проблем. Только с вазелином не переусердствуй. До завтра.

– Пока.

Иду к себе в комнату (ух-ух-ух!) и захожу в Интернет. Он нужен мне исключительно ради секса, как и большинству подростков.

9

Следующим утром я решаю во что бы то ни стало узнать, кто распустил слухи обо мне, Кристин и письме.

Первым делом иду в ванную и проверяю, как выгляжу. Последнее время я только и делаю, что проверяю, как выгляжу. Пожалуй, я немного уродлив. Сейчас объясню. У меня темные волосы и карие глаза. Пока все нормально, да? Однако если взглянуть под критическим углом зрения (а именно так смотрит на тебя общество), то я чем-то похож на паралитика. Лицо слишком вытянутое, глазницы какие-то непропорциональные, из-за чего кажется, будто левый глаз слишком маленький. Волосы густые, но сколько же в них перхоти! (Время от времени мы с Майклом устраиваем дуэль на перхоти: сильно трясем головами, а потом смотрим, с кого больше насыпалось.) Рот вечно приоткрыт и вообще мерзкий. Мочки чересчур длинные. Когда накоплю денег на пластическую операцию, начну с...

– Доброе утро. – В ванную входит папа.

– Привет. – Отрываюсь от зеркала и открываю кран, делая вид, будто умываюсь.

Папа совершенно голый, если не считать черных носков. До десяти утра он не оденется.

– Пап, ну чего ты врываешься?

– Сынок, ты застал меня на середине потока.

– Слышу.

– Да ты не стесняйся. Представь, что мы в армии. Р-р-равняйся! Смир-но!

– Пап, я никогда в жизни не пойду в армию. – Оборачиваюсь к нему.

Зря. Отцовский зад выглядит жутко. Кажется, что к ягодицам кто-то намертво приклеил лист стекла.

– Ну, чем там занимаются мои мальчишки? – щебечущим голосом спрашивает из-за двери мама. – Мне нужно принять душ.

– Я пи-пи-писаю! – Папа трясет членом.

– Господи, ну почему они такие?!

– Ты что-то сказал, Джереми?

– Пап, когда ты доделаешь вторую ванную, а? Закончи поскорее, пожалуйста.

Стою, упершись руками в раковину и закрыв глаза.

– Джереми, – мама приоткрывает дверь и шипит на отца, – прикройся!

– Он же не девочка, – парирует папа. – Девочку мы с тобой еще не рожали.

Я слышу, как он берет полотенце и обматывает его вокруг своей туши.

– Что с тобой, Джереми? – Мама кладет руку мне на плечо.

– Ничего. – Открываю глаза и смотрю в зеркало.

Слева от меня – мама. Она еще не нарядилась, и ее лицо выглядит помятым. Справа горой возвышается папа: безбородый, с необъятным животом. Он придерживает полотенце, чтобы не свалилось, и похож на статую счастливого Будды. Втроем мы выглядим как наглядный пример тех, кто не должен размножаться.

– Бу-э, – говорю я и с топотом выбегаю из ванной.

Одеваюсь, сую в рюкзак очередной «Список унижений» и иду в школу.

10

Чуть не забыл сказать, что хожу в школу пешком. Дело в том, что мой дом совсем рядом, только поле пересечь и гравийку: пяток деревьев, кучу мусора – и я на месте. Так что приходится топтать на своих двоих.

В Метучене это не принято. Никто не ходит в школу пешкодралом. Если ты учишься в старших классах – изволь ездить на собственной машине, отполированной до блеска, с автоматическим CD-плеером. Если ты крутой, но до прав пока не дорос, тебя подвозит кто-нибудь из старшеклассников (лучше всего, когда имеются старшие брат или сестра, тут ты становишься крутым автоматически). Всяческих лузеров и инвалидов привозят родители. Новичкам с родителями ездить не полагается, надо найти старшеклассника, который будет тебя подвозить и тем самым повысит твой социальный статус. Нищие ездят на школьном автобусе.

Я же топаю пешком.

Когда вхожу в класс, Кристин уже сидит на своем месте. Проходя мимо, украдкой кошусь на нее. То есть не кошусь и не украдкой. Смотрю в упор извиняющимся взглядом, а у самого душа в пятках. Она ничего не замечает. Сажусь за свою парту.

Угадайте, о ком сегодня рассказывает Дженна?

– ...А Элизабет такая: «Я не знаю, как это сделать». А парень: «Берешь смолку и палочку...»

– Заткнись, ты, – кидаю ей. – Осточертела уже всем со своей Элизабет.

Ну ладно-ладно, я этого не говорю, только думаю. Сажусь и принимаюсь смотреть на Кристин.

– О, вот он. – Дженна внезапно меняет тему.

Делаю вид, что ничего не слышу.

– Кто? – спрашивает Энн.

– Наш воздыхатель. Глянь, глянь. – Дженна кивает на меня.

– Ага.

Энн резко оборачивается. И как еще у нее позвонки не треснули? Смотрит на Дженну, та в ответ ухмыляется. Энн с сожалением косится на меня. Дженна отвечает ей уничижающим взглядом. Я и не знал, что девочки могут общаться одними глазами. Точь-в-точь – злобные мартышки в зоопарке.

– Только молчи, – шипит Дженна. – А то он и тебя занесет в свой список.

Так это она о «Списке унижений»? Твою мать. Внутри у меня все обрывается. Мочевой пузырь грозит лопнуть. Если Дженна знает о «списке», следовательно, знают и остальные. «Крутые» – они как термиты: за каждым стоит тысяча таких же, объединенных примитивной нервной системой и общим мировоззрением. Потрясенно смотрю перед собой, даже не пытаюсь поставить галочку в «Список». Успеется.

11

– В чем дело? – спрашивает меня Майкл после математики. – У тебя все в порядке?

Мой друг сидит на полу в коридоре, скрестив ноги. Я же ищу, куда приткнуться со своим «списком».

– Угу.

Наклоняюсь, чтобы хлопнуть его по руке, но промахиваюсь.

– Давай заново. – Он смеется.

Здороваемся.

– Так-то лучше. Присаживайся, в ногах правды нет.

– Зачем? Терпеть не могу сидеть на полу.

– А надо.

– С чего вдруг?

– Просто надо, поверь мне на слово.

Сажусь.

– Что-нибудь новенькое с Кристин? – Майкл пихает меня в бок.

– Не-а. Просто день такой дурацкий выдался.

– Ничего, сейчас мы это поправим. – Он рассеянно крутит провод от наушников. – Ты только посмотри, какой отсюда вид.

Действительно, у нас отличная позиция для обозрения девчоночьих коленок и голеней. Вот, значит, зачем он здесь расселся. И тут наступает настоящий парад отпадных ножек: по коридору шествуют Катрина, Стефани и Хлоя – накрутейшие девчонки во всей школе. Интересно, с какого урока они вышли? Небось «Сексуальность человека» – мелькает мысль. Нет, правда! Практикуются, наверное, по три, с Катриной во главе.

Майкл спокоен как танк. У меня же определенные проблемы с моторикой. Сажу будто на иголках. Обалденные ноги проходят мимо. Мое запястье подергивается, горло перехватывает, сердце сжимается, а всю левую половину тела пронзает болью: привет от прошлой ночи, проведенной в Интернете.

– У-у-уф...

До чего же несправедливо ходить в одну школу с Катриной, Стефани и Хлоей. Если вас хоть сколько-нибудь интересуют девчонки, то эта троица с лихвой покроет все ваши потребности: Катрина – блондинка, Стефани – брюнетка, Хлоя – рыжая (крашеная). Первая одевается ярко и ультрамодно, вторая предпочитает готику с ошейниками, третья – стиль «рейв». Их обтягивающие наряды почти эфемерны: ничего не стоит представить, что девчонки голые. Эти три самые сексапильные штучки учатся в моем классе. Они поступили в школу вместе и с тех пор неразлучны. Это сила, с которой считаются, обсуждают и пытаются завоевать все крутейшие парни Мидлборо.

Нас с Майклом проходящая мимо троица вниманием не удостоивает. Опять же, мы с ним на полу.

– Тебе надо приударить за одной из них, чувак, – предлагает Майкл.

– Заткнись.

Обдумываю мысль.

– Считаешь, я мог бы?

– Ну конечно. Ты волен делать все, что хочешь. Кто из нас на бал собирается: ты или я?

Бал я как-то упустил из виду. Вчера вечером я рассуждал о нем чисто теоретически. Сегодня, при свете солнца и рядом с настоящими девчонками, танцы представляются чем-то ужасным. Танцор из меня тот еще. Я не осилил даже допотопных плясок, которым нас учили в пятом классе на уроках современного танца. Короче, не вышел из меня паук, ног не хватило.

– Я... но...

Из класса выходит Кристин. Наверное, общалась с мистером Гретчем или с какой-нибудь подружкой. Ее коленки прямо перед моим носом. Это самые великолепные ножки в мире, куда там ногам Крутой Троицы. Думаю о компьютерщиках, создающих сложные спецэффекты для кино. Если бы кому-то из них потребовалось изобразить, пиксель за пикселем, как отражается свет от девчоночьих ног, то лучшей модели они бы не нашли.

В моей голове борются две великие силы: страх и похоть. Когда им удастся заключить перемирие, я говорю Майклу:

– Да, собираюсь.

– Правда, что ли? – Он встает.

– Ага. Ты не пойдешь?

– Именно в этом и заключается мой план.

– Тогда, может быть, подбросишь меня кое-куда после школы? Вернее, после репетиции.

Хочу шмотки купить.

– Шмотки? Приятель, кого же ты собираешься пригласить на бал?

– Думаю, никого. Однако... – смотрю вслед удаляющейся Кристин, – я обязательно должен туда попасть.

12

На репетиции опять занимаю место рядом с Кристин. (За перекусом для мистера Рейеса ходила девчонка по имени Джессика, пока мы, мальчишки, расставляли на сцене стулья в неровный круг.) Зачем? Сам не знаю. Мое сердце наверняка будет навеки разбито, однако у меня хорошие рефлексy, и действую я инстинктивно.

Начинается читка. Моя рука придвигается к руке Кристин. Она так близко, что статическое электричество топорщит волоски на коже: мои темные притягиваются к ее светлым. Если мы сейчас вспотеет, то капельки пота сольются, образовав микроскопический Берингов пролив, и микробы с ее кожи переплывут на мою. Все, что мне теперь надо, – это произнести что-нибудь умное, что-нибудь такое, что заставит Кристин заговорить со мной. Например: «Прикинь, что я слышал о матушке Тупака». Или: «Лично мне Пикассо нравится больше Матисса». Нет, все это не то. Скорее, одна десятая одной сотой одной сто семидесятой того, что мне действительно требуется.

– Кристин, ты знаешь, что человечество давно не эволюционирует?

– Что? – Она оборачивается ко мне, на ее лице – досада пополам с изумлением.

Ничего, лиха беда начало.

– Я серьезно. – Кошусь на дремлющего мистера Рейеса. – По... «Дискавери» рассказывали. У нас... это... эволюционный застой.

Кристин переводит взгляд на листки с текстом, лежащие у нее на коленях:

– «Я лес кругом весь обошел, а человека не нашел, на чьих глазах мой царь желает цветочек этот испытать».

А, ну да. Сейчас ее реплика. Закончив, она поворачивается ко мне и произносит самые восхитительные слова на свете:

– Правда? Я тоже что-то об этом слышала.

– Неужели? – забывшись, восклицаю чуть ли не в голос.

– Разумеется, нет, Джереми. – Ее губы красиво изгибаются. – Только ты у нас можешь интересоваться подобными вещами. Но ты прав: идея любопытная.

По кругу летит заговорщицкий шепот. Кристин тычет меня в бок (к сожалению, карандашом, а не пальцем):

– Твоя реплика.

– Э-э-э... «Прекрасная, ты, верно, утомилась, так по лесу блуждая?»

– Поболтаем после репетиции, хорошо? – говорит Кристин.

Расплываюсь в такой широкой улыбке, что приходится мысленно одернуть самого себя. Широкая улыбка меня портит. Кристин проводит кончиком ручки по зубам. Вроде как случайно касаюсь рукой ее руки. Лед тронулся! Я знал, что смогу его растопить.

После репетиции мы с Кристин разговариваем. Она помогает мне убирать стулья, а я как можно точнее пересказываю ей все, что услышал от Майкла.

– ...Вот потому-то и выходит, что у нас, у людей то есть, генетический застой.

– Обалдеть!

По ее виду не скажешь, что она думает на самом деле. Поджатые губы напоминают маленькую розовую сумочку, вполне под стать кенгуровой крысе или мыши-полевке.

– Ведь люди эволюционируют, чтобы стать умнее, правда?

– Кто знает... – разглагольствую я. – Женщины, естественно, выбирают богатых и достигших успеха, а эти качества не имеют ничего общего с умом.

Хе-хе.

– Неправда. – Кристин идет за своим рюкзаком и делает мне знак следовать за ней. – Те, кто добивается успеха, всегда умные.

– Мой отец много чего добился. Он – полный идиот.
– Некрасиво так говорить. А чем он занимается?
– Адвокат по бракоразводным делам. А твой?
– Диспетчер аттракционов в парке «Большое приключение».
– Видать, большое приключение в его карьере. Крутой вираж.
– М-м-м... Смешно. Прежде он работал на AOL. Его уволили.
– Нет-нет, ты меня не так поняла. Я просто хотел пошутить, сказать что-нибудь остроумное.

– Угу.

– Извини.

Молчание.

– Паршивый из меня собеседник.

– Но ты же только что со мной беседовал. Вернее, мы беседовали.

– Беседовали. А теперь вот не беседуем.

– Верно. – Кристин хмурится. – Знаешь что? Мне не нравятся парни, не умеющие общаться. – Она качает головой. – Они невыносимы.

Приехали. Она берет свой рюкзак, и тут на пол что-то вываливается. Кристин как-то нервозно принимается искать упавший предмет, я бросаюсь ей помогать. Вдруг замечаю у самой ее ноги белый цилиндрок. Наклоняюсь, чтобы поднять, Кристин делает то же самое и утыкается носом мне в шею.

– Ай!

– Ой!

– Не трогай! – Кристин отталкивает меня и быстро поднимает с пола предмет.

– Извини.

Она сдавленно фыркает и сует предмет в рюкзак.

– Джереми, никогда не прикасайся к девчачьим вещам, – говорит она мне и смотрит как-то по-новому (нехорошо, в общем, смотрит).

– Я просто хотел помочь...

Кристин идет к двери, я обреченно топаю за ней. Мы вместе выходим из актового зала, она – через одну створку, я – через другую.

– Раз твой отец работает в «Большом приключении», значит, «хвосты» тебе не грозят. В смысле, «хвосты» очередей к аттракционам, а не «хвосты» по контрольным, – выдавливаю натушный смехок.

– Прежде всего он диспетчер, а не оператор, и работает в офисе, а не на аттракционе.

– Ясно.

– Но, в принципе, ты прав. Если ты родственник их сотрудника, то можешь предъявить у аттракциона специальную «семейную карту друзей “Большого приключения”», и тебе дадут листок, на котором указано время, когда подойти...

– И что дальше?

– Не перебивай. С их карточкой ты, вместо того чтобы битый час стоять в очереди, можешь погулять, а потом просто вернуться в нужное время.

– Здорово! Что я должен сделать, чтобы получить такую? Может, жениться на тебе?

Твою мать! Что же я ляпнул?!

– Ну-у-у, – Кристин смотрит на меня словно на «неведому зверушку», – ты можешь заболеть проказой. Это срабывает. Для инвалидов много всяких скидок. Только подожди, пока не сгниет пол-лица.

Мы вместе направляемся к выходу из школы. Я судорожно пытаюсь придумать напоследок что-нибудь особенно остроумное (надо же как-то закрепить наш союз) и тут вижу в дверях

Джейка Диллинджера. Выглядит он именно так, как должен выглядеть трахальщик чешских моделей и глава школьного клуба. Джейк складывает ладони рупором:

– Джереми...

Больше ничего не могу разобрать. Судя по всему, он со мной поздоровался. Впрочем, уделив мне аж десятую долю секунды, он сразу переключается на Кристин. С ней ему говорить незачем.

– Пока. Завтра договорим, – бросает она и несется к Джейку.

Точь-в-точь Пак, спешащий по лесной чаще. Джейк что, околдовал ее вчера, а я и не заметил? Разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов. Не желаю смотреть, как они обнимаются, целуются, обжимаются, или что там еще они друг с другом собираются делать.

Покидаю школу через черный ход.

13

Майкл ждет меня на школьной стоянке. Ему удалось выпросить машину у предков. Мы обнимаемся.

– Как делишки?

В руках у Майкла гандбольный мяч. Вероятно, пока я торчал на репетиции, он играл на деньги. Майкл с лентой бьет мячом о стену школы, украшенную граффити.

– Полное дерьмо, – отвечаю. – Я-то думал, что Кристин свободна, а она встречается с Джейком Диллинджером.

– Хреново. – Майкл качает головой. – Ничего не попишешь, временами приходится признавать достоинства других парней. Согласен?

– Нет, не согласен.

Он кидает мне мяч. Пытаюсь поймать, тот проскальзывает из пальцев и больно бьет по подбородку.

– Давай, Джереми, вдарь мячом о стенку. Стенку-то видишь?

– Заткнись.

Швыряю мяч ему обратно слишком сильно. Майкл кидается, чтобы его отбить и отбивает, похоже, запястьем. Я слышу отчетливый щелчок. Поднимаю глаза на друга, но он улыбается, а мяч уже летит в меня, попадает мне в лоб и, отскочив, ударяется в машину кого-то из учителей. Мы с Майклом гогочем.

– Поехали, – говорит он. – Если ты в самом деле намылился на школьный бал, у нас осталось двадцать минут.

Я толком не в курсе, имеются у Майкла водительские права или нет. Ученические у него наверняка есть, но с ними он может управлять автомобилем только в присутствии взрослого. Впрочем, на громоздком коричневом «Бьюике», выжимающем двадцать пять миль в час, нарушить правила дорожного движения непросто, поэтому проблемы нам не грозят. Забираюсь в машину. Внутри воняет чем-то вроде горелого арахисового масла с ветчиной.

Трогаемся. Майкл включает жуткую эмо-музыку. Смотрю в окно. Школа быстро удаляется.

– Черт, я и забыл, что ты терпеть не можешь такое. Поставить «Пинкертона»?

– Да ладно, все норм.

Майкл может слушать, что ему заблагорассудится (за исключением разве что «Пинкертона»). Ужасно люблю ездить в машине, с самого детства. Никогда не понимал ребят, канючащих «ну когда мы приедем?» или бесперечь просящихся пописать. Я с двух лет (тогда у нас был «Вольво») обожал наблюдать за проносящимися мимо пейзажами. Тогда мне просто нравилось смотреть на холмы и чужие дома, но это – Джерси, здесь все приедается быстро. Теперь

я пытаюсь представлять, кто живет в этих домах: старики или молодые, симпатичные или не очень. Вдруг где-то там есть девчонка, которой я понравлюсь.

Нарушает молчание Майкл:

– Давай колись: как это ты умудрился втюриться в Кристин?

– Ну, она мне нравится. – Поворачиваюсь к нему.

– Почему?

– Она классная и умная, – добавляю торопливо.

– И ты прямо хочешь с ней встречаться и все такое? Просто общение тебя не удовлетворит?

– Ага.

– Хм-м-м. А тебе нравятся твои футболки?

Оглядываю себя. Футболка как футболка, с рисунком из «Звездных войн».

– По-моему, нормальная.

– Если любишь свои футболки, тебе лучше два раза подумать, прежде чем встречаться с девчонками. Девчонки – заклятые враги футболок и рубашек.

– Правда, что ли?

– А то. Футболки у них считаются трофеями. Сужу по своему братану. Последняя его девчонка обзавелась по меньшей мере тремя его рубашками. Он то и дело возвращался в куртке на голое тело. Так что, если не хочешь лишиться всех своих футболок, не ходи на свидания с девчонками. Да ты не дрейфь, девчонки в конце концов наверняка появятся и, может быть, даже не станут забирать все твои рубашки.

Тут я кое-что припоминаю.

– Слушай, Майкл, а что там насчет таблетки, которую принял твой брат? Ну, той, которая сделала его умнее? Как она в точности действует?

– Я полагал, ты в это не веришь.

– Просто в голове не укладывается, что он смог получить тысячу пятьсот тридцать баллов.

– Ага! А я тебе что говорил?

– Он получил какую-то электронную поддержку, да? Что-то такое я слышал о парнях из Колумбийского...

– Нет, чувак. – Майкл покрепче перехватывает руль. – Тут все по-другому. Кажется, эта штука называется «скрипт».

Сижу, стараясь не пропустить ни слова.

– Вроде как в твою башку внедряют сценарий, потому компьютер-таблетка и называется скриптом, усек? Экспериментальное правительственное дерьмище.

– Ясно. Значит, он раздобыл себе такой скрипт?

– Ага. – Майкл подруливает к «Хеллоуинскому приключению». – Поторапливайся, они закрываются.

Иду в магазин, раздумываю о скрипте, однако все мысли о нем поневоле вылетают из головы: приходится просить служащего подождать, пока я разыщу маску из «Очень страшного кино» и заплачу за нее. Маска дурацкая, но мои руки сами к ней тянутся. Представляю себя в ней. Никто меня, разумеется, не узнает, надо только не забыть черные брюки и рубашку. Вот я улочаю минутку наедине с Кристин, а дальше все как в кино про старшеклассников: выпивка, вожделение, клубничный блеск для губ, и я срываю с себя маску, Кристин меня видит, понимает, какой я крутой на самом деле, и мы начинаем заниматься сексом у какого-нибудь дерева, и...

– Господи боже мой, – только и произносит Майкл, увидев меня в маске. – Чувак, тебе действительно позарез нужен скрипт. Ты же тупой как пробка.

Во время репетиции на следующей неделе у нас с Кристин все было как обычно. (Сколько нужно времени, чтобы начать считать такое положение дел обычным? Одного повтора ведь достаточно, правда?) Вхожу, сажусь рядом с ней. Немного неуклюже, но в целом бойко упоминаю о некоем факте, чаще всего услышанном от Майкла (тут сгодится все: музыка, текущие события, да хоть та же эволюция). Кристин шутит в ответ (или не шутит: некоторые ее улыбки чересчур серьезны) и поддерживает беседу. Минут пять после репетиции мы общаемся, пусть с некоторыми запинками, а затем она убегает на встречу с Джейком. Не знаю, что про них и думать. Во время репетиций они никогда не разговаривают. В кругу он садится напротив и почти на нее не смотрит. Вдруг они просто дружат?

Есть на свете одна штука, которую я ненавижу. Это так называемая просто дружба между парнем и девчонкой, мерзкое сюсю-мусю. Впрочем, поскольку со мной подобное приключается редко, приходится ненавидеть со стороны. Такая дружба – сплошное недоразумение. Если ты – девчонка и трогаешь парня за коленку, я, естественно, предполагаю, что вы встречаетесь, и точка. Если же вы с ним платонические друзья, то не надо класть голову ему на плечо и целовать в губы. Человечество переживает удивительный период развития: молодые мужчины и женщины имеют право быть друзьями, и для этого им не требуется заключать брак или прикидывать, у чьей семьи поместье больше. Вот и надо этим пользоваться.

Оказывается, у Кристин, которая, положив руку на сердце, злоупотребляет возможностями такой дружбы, имеется многоступенчатая система, помогающая расставить точки над «и». Она объясняет мне ее в пятницу, после репетиции. (До бала – одна неделя.)

– Неплохо бы всем прочим придерживаться моей системы, – говорит Кристин, надевая рюкзак, в то время как я ем ее глазами. – По-моему, это единственно разумный путь. – Она улыбается. – Понимаешь, есть четыре стадии отношений.

– Ага, – киваю я, а сам старательно прикрываю промежность, будто футболист на пенальти.

– Первая: замутить с кем-нибудь.

Черт. Не-на-ви-жу! «Замутить» – это как раз то, что я должен сделать, не мытьем, так катаньем. Волшебное словечко, означающее разное для двух типов «юных американцев»: для крутых – безбашенный подростковый секс, а для таких как я, Майкл и прочего отстоя – поцелуйчики. Здорово!

– Или что-то в этом роде, – произносит Кристин.

– Ой, извини! Не могла бы ты повторить? Я, кажется, прослушал.

– Я просто пояснила, что значит «замутить». Это первая стадия. У тебя есть кто-то, с кем ты замутила, но настоящей связи между вами нет. Вы не названиваете друг другу по телефону, не сидите вечно рядом. Просто делаете то, что хотите, и все.

– Ты ведь о сексе, правда?

– Это зависит от того, хочется ли тебе. Да, «замутить», в принципе, означает секс для некоторых людей. Но мы же говорим о моей системе. Развязные девчонки живут по собственным законам. Не хочешь присесть?

– Конечно.

Ее рука лежит на подлокотнике кресла между нами. Подлокотник грязный, рука чистая.

– Этап второй: встречаться. Девушка с парнем вместе показываются на публике, с помощью поцелуев и объятий давая понять остальным, что между ними не только дружба.

Похоже, именно этот этап у нее с Джейком. Спросить? Нет, лучше не стоит. Джейк еще в зале, болтает с какой-то мелкой сошкой из его футбольной команды.

– Такие встречи не подразумевают взаимных обязательств. Можно общаться с другими людьми, не говоря об этом человеку, с которым встречаешься. Понятно?

– Ага.

– Третий этап: выходить вместе. Отчасти похоже на встречи, только немного с более серьезными намерениями. Например, если вы занимаетесь сексом, то не следует ничего такого делать с другим.

Мне нравится, когда Кристин говорит о сексе, о каком угодно сексе, даже между жабами, у которых жабенки появляются из спины.

– Если же вышло, что ты занялся сексом с другой, то должен сообщить той, с кем выходишь. По крайней мере, так полагается в моей системе ценностей. Ну а потом вы вместе решаете, продолжать отношения или порвать из-за допущенного преступления. Ты же знаешь, что означает слово «преступление»?

– Разумеется!

Деньги на толковый словарь были потрачены не зря!

– В чем же тогда разница между «встречаться» и «выходить»?

– М-м-м, как бы тебе объяснить... Когда мы встречаемся, то держимся за руки. А когда выходим, ты можешь меня приобнять и все такое.

Ага...

– И каков же последний этап?

– Самый лучший! – Кристин даже всплескивает руками. – «Ты – мой парень, я – твоя девушка». Вы целиком и без остатка преданы друг другу. Заниматься сексом с кем-либо еще абсолютно запрещено. Иначе – наказание, которое я же и назначу.

– А вдруг ты сама обманешь? Тогда наказывать будет парень.

– Я никогда не обманываю.

– Ясно. Ты молодец.

– Еще бы. – Кристин улыбается.

– Однако ты забыла про пятый этап. – Я слегка откидываю голову, чувствуя, что настал звездный час моего остроумия. – Бывшие парень с девушкой!

– Заткнись! – Кристин бьет меня по руке своим маленьким кулачком.

Над нами нависает Джейк.

– Салют, Джереми, – говорит он, включая режим «добродушный киборг», и тут же переводит взгляд на Кристин. – Кристин.

– Да? – Она резко оборачивается.

Кажется, она собиралась ударить меня еще разок, но сейчас все, что я вижу, – это ее затылок.

– Ты же не собираешься тут до ночи торчать?

– Конечно, нет! – щебечет она. – Пока, Джереми.

Вдруг Кристин оборачивается и целует меня в щеку.

Наш первый поцелуй! Потом она встает и выходит вместе с Джейком. Он кладет ей руку на талию, потом ладонь сползает вниз.

Итак, они «выходят вместе». Во всяком случае, теперь я знаю, с чем предстоит иметь дело. Я подготовлен. Думаю, у меня неплохой шанс.

15

Бал состоится не в школе, а в танцевальном зале клуба «Лосиная заимка», расположенного в депрессивном квартале Метачена. Обычно там собирается выпить и погонять бильярдные шары всякое старичье.

Добраться туда сам я не могу. Клуб расположен чуть ли не в Эдисоне, городке по соседству с Метаченом. Майкл тверд как камень: вместо бала он слушает новый альбом Weezer. Я, конечно, могу попросить родителей меня подбросить, но это уже пахнет мазохизмом. Вызываю такси и захожу в столовую, где работает мама.

– Слушай, мам...

– Да, Джереми. – Она даже не поднимает головы от бумаг.

– У нас в школе... ну, это... вечеринка в честь Хеллоуина. Короче, я на нее иду.

– Неужели? – Мама поднимает на меня потрясенный взгляд.

Не успевает она договорить, как из-за занавески появляется папа. Без рубашки и с огромным хот-догом на крохотной булочке.

– Неужели? – эхом вторит он.

– Ага. – Перевожу взгляд с отца на мать и обратно.

Ой, что сейчас начнется...

– Это же просто чудесно! – Мама встает и обнимает меня. – С кем идешь?

– И как она, сын? В смысле, у нее имеются... – Отец обводит себя рукой с хот-догом, изображая груди.

– Прекрати! – рывкает мама. – Нашел время для дурацких шуточек.

– Ты удивишься, сынок, – продолжает отец, – когда узнаешь, сколько разводов случается из-за сисек. Сиськи вообще имеют огромное значение. Поэтому первым делом убедись, что у девчонки...

– Нет у меня никакой девчонки, – мрачно объявляю.

Мама молчит.

– Гм-м-м, – мычит отец, – ты что, гей?

– Перестань немедленно! – визжит мама, кидаясь на него чуть ли не с кулаками.

Папа ретируется за занавеску, а мама возвращается за стол.

– Временами ума не приложу, что делать с твоим отцом. Ладно, в любом случае, Джереми...

– Не волнуйся, я не гей.

– А я и не волнуюсь. – Мама улыбается. – Мы хорошие родители, и для нас это не имеет ни малейшего значения. Итак, ты идешь на школьный бал?

– Ага.

– Здорово. Деньги нужны?

– Конечно.

Я и не знал, что посещение балов платное. Впредь надо будет вести более насыщенную социальную жизнь.

– Держи.

Она протягивает мне несколько купюр. Позже пересчитаю.

– Послушай, может, тебя подвезти? Хотя... вряд ли ты захочешь приехать на бал с родителями. Давай такси вызову?

– Уже.

– Вот и отлично. Заруби себе на носу, Джереми: ты ни при каких обстоятельствах не должен прикасаться к моей машине. Развлекись как следует. Все будет хорошо.

– Точно, точно! – откликается из-за занавески папа. – Потанцуй с девчонками.

Он сидит на тренажере и лопает хот-дог.

– Спасибо, пап.

Выхожу из дома и жду на крыльце такси. Когда приезжает машина, спускаюсь, пересекаю газон: я весь в черном, на голове – маска, сдвинутая на макушку. Сажусь в такси. От резкого запаха «земляничного» освежителя воздуха глаза чуть не слезятся.

– Куда едем? – спрашивает водитель.

- Клуб «Лосиная заимка», тот, что на Леффертс-роуд, рядом с «Френдлиз».
- Усек.

Едем по улице. Сворачиваем к школе. Над полем медленно, будто раскручивая спираль ДНК, кружат два светлячка. Светлячки в конце октября? Ну надо же. Надеваю маску.

- Класс! – одобряет шофер.
- Правда?
- Точно тебе говорю. Шпана шпаной.

Шпана? Звучит пошлово. Слову явно недостает налета опасности. Оставшуюся часть пути едем молча. Обдумываю план действий. Если Кристин придет с Джейком, заплачу маминими деньгами какой-нибудь девчонке, чтобы она его отвлекла, а сам расскажу Кристин о своих чувствах. (По-моему, замечательный план.) Потом сниму маску. Она увидит, кто я на самом деле, и тут же...

- Приехали, – говорит таксист.
- Расплачиваюсь и вылезая из машины.

Перед «Лосиной заимкой» торчат девять деревьев, между которыми вьется очередь школьников, одетых рестлерами, членами группы «Слипнот», Фиделями Кастро и Биллами Клинтонами с сигарами в зубах, а также в костюмах гигантских кондомов или таблеток «виагры». Почему здесь очередь? Пристраиваюсь в конец. Маску не снимаю.

- За чем стоим? – спрашиваю пацана передо мной.
- За билетами, ясен пень, – с прищмокиванием булькает он через плечо. – Хочешь потанцевать – купи билет.

На нем костюм какого-то растения, что ли... Черт, да это же Рич. Физиономия у него измазана зеленым, и я не сразу его узнаю. Лучше бы мне не отсвечивать, а то поймет, кто я, и прицепится. Так что маску не снимаю. Выглядит, наверное, отвратительно, но анонимность того стоит. Наконец подходит моя очередь. Отдаю деньги парню, похожему на моржа.

Лучшего места, чем «Лосиная заимка», для бала в честь Хеллоуина не найти. Внутри клуб – вылитое жилище Скуби-Ду: фальшивая паутина свисает вперемежку с настоящей, ленты оранжевой папиросной бумаги соседствуют с пятнами плесени. В музыкальном зале соорудили небольшой помост, на котором наряженный волшебником диджей наяривает ар-н-би.

- Кия-а-а! – мимо пролетает «самурай», размахивая мечом.

Сунув оружие за батарею, самурай отправляется танцевать. Топаю за пуншем.

- Добро пожаловать на бал, – говорит мисс Рэйберн, оделяя меня стаканом, где одиноко плавает кусочек ананаса. – Замечательная маска. Надеюсь, мы потом узнаем, кто ты?

Она улыбается. На ней костюм то ли библиотекарши, то ли секретарши. Очень секси. Перевожу взгляд на танцпол и только тут понимаю, что такое на самом деле секси.

Катрина, Стефани и Хлоя! Вот, оказывается, почему в клуб выстроилась целая очередь типов вроде Рича: там, где эта горячая тройца, там и все остальные. Девчонки отжигают в центре зала. Прекрасные амазонки, кружащие в гипнотическом танце. Катрина – в наряде французской горничной: синяя мини-юбочка и метелочка из перьев для смахивания пыли. Стефани – в черной коже (в принципе, она всегда так ходит, разве что ошейник сегодня шире обычного). У Хлои рыжие кошачьи ушки и длинный хвост: эдакая шаловливая девушка-тигрица. Я от нее глаз не могу отвести (надо будет как-нибудь покопаться в Интернете на предмет девушек с хвостами). Пристраиваюсь к парням, подпирающим деревянную стену клуба. Они заняты тем же, что и я: пьются на тройцу, слитно мотая головами в ритме ар-н-би.

Поодаль стоит Эрик. Похоже, совершенно укуренный, даже костюмом не озаботился. Только косматыми бровями шевелит, но они его собственные, я точно знаю. Рядом с Эриком – Родни, одетый почтальоном. В руках у него – окровавленная бензопила. Тут же и Марк Джексон, единственный вырядившийся геймбоем.

Упираюсь подошвой ботинка в стену и приваливаюсь к ней спиной. Чем я хуже прочих подпирающих? В конце концов, их позы – тоже своего рода танец. Почти сразу ко мне подгребают Рич в своем странном облике растения.

– Салют!

Стискиваю зубы. Ну чего он ко мне привязался? Рич прилипает к стене и какое-то время молчит, попеременно то пригубляя пунш из стакана, то отхлебывая из старомодной фляжки, припрятанной в одном из его многочисленных карманов.

– Хочешь? – протягивает фляжку.

Что за чертовщина? Неужели Рич меня не узнает? Не снимая маски, поворачиваюсь к нему. Он подмигивает. Беру фляжку, подсовываю горлышко под край маски, делаю хороший глоток, потом еще один.

– Ничего себе! – говорит Рич. – И здоров же ты пить, чувак.

Не знаю, что там у него во фляжке, но напиток дико обжигает мне горло.

– Фу, блин! – хриплю я.

– Это скотч.

– Фиготч.

– А под маской у нас Джереми Хир, я угадал?

– Ага.

Приехали...

– Слушай, Джереми, это правда? Ну, что ты записываешь все дерьмо, приключившееся с тобой за день, в какой-то список?

– Ага, – шумно сглатываю.

Моя тайна раскрыта.

– Наверняка я немало сделал для пополнения твоего перечня. – Рич смотрит на меня широко открытыми глазами, в которых проглядывает что-то вроде понимания и сочувствия, затем переводит взгляд на танцпол. – С кем из них ты бы замутил?

Он кивает на горячую троицу.

– Э-э-э, с Хлоей, – признаюсь я.

– Такой себе выбор, чувак. Лучше бы с Катариной. Она – вылитая Барби, сечешь? Я мечтаю трахнуть Барби чуть ли не с рождения...

Все это какой-то бред. По-моему, Рич вдребезги пьян. И тут я замечаю Кристин, вернее, голову в красно-золотой шляпе а-ля Рапунцель, подсакивающую слева от троицы. Затем вижу ее всю. Оказывается, она одета персиянкой. То ли наложница, то ли ангел: золотистый топик, блестки по всему животу и розовые шаровары, как у Жасмин из мультика про Аладдина (только у Жасмин, кажется, штаны были не розовыми). А за спиной у нее огромные золотые крылья! Танцевать с ними неудобно, но Кристин такая милая! Воображаю, как она одевается в своей комнате в надежде поразить Джейка.

– ...ко всему Хлоя понятия не имеет, как правильно носить трусики... – бубнит Рич, однако я его уже не слушаю: на танцполе рядом с Кристин появляется Джейк Диллинджер.

Вот ведь гадство! Никакого карнавального костюма на нем нет. На нем – смокинг. Танцует Джейк хорошо, ничего не скажешь. Пожалуй, белому лучше и не станцевать: твердо ставит ноги и откидывается назад, чтобы девчонка о него терлась. Да-а-а, тереться Кристин умеет. Трется так, словно вся попа ракушками поросла, и она пытается их счистить. Джейку то и дело приходится уворачиваться от крыльев.

– ...и она входила в тройку девчонок из «друзей», так что это была не тройка, а четверка... – жужжит над ухом Рич.

Кристин изгибается, прислоняясь задом прямо к тому месту, где у Джейка каждую утро встает пенис (наверняка огромный)...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.